

[С. 152]

Столяр М.Б.

Коммунистический вариант хилиастической ереси

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы сами, мы новый мир построим, –
Кто был ничем, тот станет всем
Эжен Потье*

*Это чувство конца (эсхатология) в
одинаковой степени развито у
простого народа и у нашей
интеллигенции, и оно именно дает
теперь силу большевикам...
М.М. Пришвин*

Для марксистской *идеологии* понять некоторое явление означало увидеть его "в развитии". Однако подобный подход не имел ничего общего с научным исследованием некой реальности как динамичной. *Речь шла об искаженном видении чего-либо сквозь призму превращенной "эсхатологической перспективы" и, одновременно, в свете хилиастических (милленаристских) мечтаний – утопической идеи коммунизма как царства божьего на земле.*

Марксистские философы в подавляющем большинстве не рефлексировали по поводу наличия эсхатологических мотивов в идеологии, однако те, которые были более вдумчивыми, искали причину таких смысловых пересечений. И тут им на помощь приходила универсальная идеологическая «отмычка»: классовый подход. Считалось, что этот принцип позволяет расставить все точки над «и», вскрыть «подлинную сущность» и т.п. Отсюда не коммунистический идеал рассматривался как продукт еретического разложения христианского эсхатологического учения, а наоборот – христианское учение о конце света понималось как «реакционная трансформация революционных,

освободительных идей в эсхатологическую форму христианской религии» (1, с.47).

Что же представляет собой марксистская "эсхатология"? На этот вопрос невозможно ответить без предварительного краткого рассмотрения содержания христианской эсхатологии и тех искаженных ее вариантов, которых придерживались представители отдельных еретических учений.

Под *эсхатологией* понимается *учение о конце света* (в отличие от Апокалипсиса, который есть *Откровением* о конце света). При этом выделяется *общая эсхатология* – учение о завершении или исчерпании истории (наступление эпохи войн; ожесточение человеческих сердец и упадок веры; приход к власти единого правителя мира – Антихриста; установление единой мировой религии, провозглашающей Антихриста Христом; последние, самые страшные гонения на христиан; ужасный голод, бедствия, второе пришествие Христа и Его победа над Антихристом) и *частная эсхатология*, в которой раскрывается участь человека в конце времен (воскресение умерших, Страшный суд, торжество праведников в Царстве Божьем, мучения грешников в аду).

Это содержание в православной духовной традиции представляет *эсхатологию не только как определенные положения веры, но и как конкретные мистические переживания*. При этом следует отметить, что истинно христианский эсхатологический настрой никогда не был формой пессимистического мироотношения. Духовный опыт святых показывает, что чем полнее церковная жизнь человека, чем глубже покаяние и смирение, тем сильнее радость ожидания преобразования человека и всей человеческой жизни. То, что для пессимистического взгляда выглядит как *конец*, оптимистическому восприятию предстоит как *начало*, наполненное невыразимым счастьем (блаженством), но, которое, в то же время, есть только вступление в это блаженство. "Подлинным мистическим переживанием", "музыкой души" называет такое эсхатологическое настроение в отличие от множества его превращенных вариантов отец Сергей Булгаков (См.: 2, с.140).

В то же время С.Н. Булгаков говорит о *псевдоэсхатологии*, когда отсутствие *внутренней* духовной жизни человек пытается восполнить *внешними* действиями и отношениями, определенной "исторической программой, осуществляемой к тому же сплошь и рядом не на себе, а на чужой шкуре" (Там же). Именно "этот лжеэсхатологизм зажигал костры инквизиции, воздвигал гонения на человеческую мысль и свободу, оправдывал духовный деспотизм и, в конце концов, возбудил против себя ненависть, живущую до сих пор" (Там же).

[С. 153]

Таким образом, эсхатологизму как личному и личностному мироощущению С.Н. Булгаков противопоставляет *лжеэсхатологизм как историческую программу определенных человеческих действий, направленных на приближение земными, человеческими средствами «конца» одной эпохи и приближение «начала» новой жизни.*

Подлинный эсхатологизм выражает момент *пассивного* отношения к окружающей действительности, когда *все земные средства уже исчерпаны* и противостояние Антихристу возможно лишь как личное непризнание его в качестве Бога – непризнание, чреватое физическим уничтожением. Напротив, *лжеэсхатологизм* несет в себе ярко выраженное представление об *устроении "конца истории" посредством деятельности людей.* «Подобные примеры мы видим в художественных произведениях романтического (неоромантического) направления с их верой в безграничные возможности сильной личности, в неопрогрессистских утопиях. На уровне современного массового искусства эта вера отражена в образе супер-героя, побеждающего Антихриста с помощью древних магических средств или в образе нового гигантского «ковчега», созданного по последнему слову науки и техники для спасения «избранных».

(3, с. 109)

Тему искажений христианской эсхатологии затрагивает известный богослов, философ и культуролог прот. Георгий Флоровский на материале русского раскола XVII века. Как утверждает мыслитель, сторонники раскола,

отрицая *видимое* пришествие Антихриста в будущем и утверждая его уже существующую, но еще *невидимую власть*, свой эсхатологический диагноз как констатацию нынешнего безблагодатного состояния человеческой жизни обернули истовой обращенностью к обряду и быту. Последние становятся важнее таинства, потерявшего для раскольника всякий смысл так же, как и священство. "Эсхатологический испуг, апокалиптическая мнительность, вдруг оборачивается своего рода гуманизмом, самоуверенностью, практическим пелагианством, ...отсюда эта неожиданная активность раскола в мирских делах... раскол стремится своим человеческим усердием как-то возместить этот уход благодати. И этим выдает себя" (См.: 4, с.70).

Парадоксальное сочетание эсхатологического испуга и социальной, мирской активности говорит в данном случае о возможности сближения на почве той или иной ереси учений о конце света и о тысячелетнем царстве Христа на земле (хилиазм). Истоки последнего следует искать в иудейском мессианизме. По сути *христианский эсхатологизм* и *хилиазм* являются *несовместимыми*. Они оказались соединенными лишь в случае искажения и редуцирования эсхатологического учения, как это произошло, например, в идеологии марксизма. Однако такая "встреча" имела долгую предысторию.

Хилиастическое учение известно в двух вариантах. Первый имел ярко выраженную *гедонистическую* окраску. Такого учения придерживались сторонники некоторых еретических движений – евиониты, монтанисты, Аполлинарий и его последователи, считавшие, что царство Христа будет временем *физического наслаждения верных всяческими земными благами*. Второй вариант под тысячелетним царством Христа на земле подразумевал *духовное блаженство* праведников уже в этой жизни. В последнем варианте отдельные хилиастические идеи высказывались и некоторыми святыми отцами как *частные мнения, имевшие хождение до церковного решения по этому вопросу*, которое было вынесено II Вселенским Собором (381 г.). Этот Собор определил *тысячелетнее царство Христово как время существования христианской церкви* (См.: 5, с.491-493).

В настоящее время данный догмат признают как православные, так и католики. Однако в истории католицизма рядом с основным его руслом образуются борющиеся с ним сектантские движения ярко хилиастического и, вместе с тем, нередко революционно-коммунистического характера. Как считает отец Сергей Булгаков, *вся западноевропейская средневековая история революционно-социалистических, а вместе и религиозных движений может быть изложена как продолжение истории иудейского хилиазма в псевдохристианском переоблачении* (См.: 2, с.133).

Между прочим, в советских книгах по истории западного средневековья всегда с большим сочувствием говорилось о еретических движениях – ересь была единственной формой религиозности, за которой марксизм признавал некоторый позитивный смысл .

Н.А. Бердяев объясняет разрушительный характер русской революции соединением в *сектантском псевдорелигиозном менталитете* русских социалистов *апокалиптического* и *нигилистического* начал, которые легко переходят друг в друга. В своей работе "Истоки и смысл русского коммунизма" Бердяев пишет: "Нигилизм есть негатив русской апокалиптичности. Он есть восстание против неправды истории, против лжи цивилизации, требование, чтобы история кончилась и началась совершенно новая, вне-историческая или сверх-историческая жизнь" (6, с.38). При этом апокалиптичность русских революционеров обернулась нигилистическим отношением к величайшим ценностям земной исторической жизни, ко всей культуре (См.: 6, с.127).

[С. 154]

Помимо революционного варианта апокалиптики, заключавшей в себе хилиастическое учение, в советское время существовали и некоторые христианские представления о конце света, определявшие сознание и поведение определенной части верующих людей. В этих представлениях уже не было места хилиазму. Однако здесь кое-что напоминало идеологию старообрядческого раскола. Например, старообрядцы считали Антихристом

Петра I, а в народной, околицерковной эсхатологии советских времен Антихристом выступал Ленин.

Между прочим, оснований для такого предположения было достаточно много. Если исходить из тех задач, которые выполняет Антихрист согласно Откровению Иоанна Богослова, то в этом отношении Ленин, как говорится, вполне соответствовал... Как пишет В.А. Лекторский в статье "Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм", "Антихрист выполняет... по меньшей мере четыре задания: 1) захват власти и установление деспотии; 2) гонение на христиан – и не просто на христиан, а на христианские смыслы; для этого 3) он создает перверсную идеологию с использованием христианских понятий, наполненных противоположными смыслами; 4) в результате своей победы «в одной, отдельно взятой стране» он идет далее к мировому господству» (7, с. 18). Кроме того, – продолжает философ, – в большевизме люди столкнулись с "невероятной силой мимикрии и травестийного подражания антихриста Сыну Человеческому. Скажем, Ленин... пришел не во имя свое, а во имя Маркса, таким образом использовав парадигму христианского учения" (7, с. 23).

Часть верующих, рассматривавших советскую власть как уже осуществленную власть Антихриста, порывали с ней всяческие отношения (люди отказывались брать советские документы, ставить свои подписи на каких-либо официальных бумагах, квитанциях и т.п., поскольку такие действия понимались как принятие печати Антихриста, чреватой утратой Царства Божьего). Надо отдать дань мужеству этих людей, перед которым иногда отступали даже власти. Однако, помяная их стойкость, важно понять, что еще большим мужеством было, находясь между молотом безбожной власти и наковальной псевдоапокалиптического испуга, пытаться сохранить веру и донести ее до следующих поколений. С одной стороны, верующий человек подпадал под влияние жесточайшей атеистической пропаганды и государственного насилия, с другой, – его душа терзалась губительной возможностью невидимого, неявного сотрудничества с Антихристом, ведущего

душу в погибель. Поистине устоять в условиях такого давления от предательства или раскола как двух крайностей можно было только чудом.

Православная церковь, опиравшаяся не только на Писание, но и на живой духовный опыт своих святых (которых, между прочим, в XX веке было гораздо больше, чем в иные спокойные времена), констатировала *антихристианскую сущность новой власти, но не признала факт пришествия Антихриста*. В церковной среде существовал целый ряд пророчеств святых о том, что данные гонения на христиан будут не последними, что еще будет время (пусть и недолгое), когда откроются церкви и люди покаются в грехе богоотступничества. Подобные пророчества известны из уст таких святых как преподобные Амвросий Оптинский, Лаврентий Черниговский, Серафим Вырицкий, святой праведный Иоанн Кронштадтский и других православных подвижников XIX-XX веков.

«Таким образом, в разных слоях общества того времени можно найти как минимум *три варианта видения советской власти с точки зрения эсхатологической перспективы*:

- 1) коммунистический (происходит крах старого эксплуататорского общества как предпосылка выхода в «царство свободы»);
- 2) околоцерковный (наступили последние времена и власть Антихриста)
- 3) православный (власть большевиков попущена за грех богоотступничества, но это еще не конец света, Антихрист еще не пришел)». (3, 112)

Итак, особенностью советской идеологии было соединение псевдоэсхатологического учения о *полном разрушении всего и вся и хилиастического представления, для которого данный конец является не финалом истории вообще, а завершением истории эксплуататорских обществ, началом новой эры*. Чем быстрее это уничтожение произойдет, тем быстрее реализуется коммунистическая мечта о царстве божьем на земле. "Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим..."» – слова Интернационала – гимна международного пролетарского

движения (текст написан Эженом Потье в 1871 г.). С 1922 до 1943 года Интернационал являлся гимном Советского Союза в несколько видоизмененном и сокращенном виде (перевод А. Я. Коца).

В контексте искаженного эсхатологического учения, встречаются в идеологизированном искусстве того времени и прямые цитаты из Апокалипсиса:

*И неслазь неудержимо
С гривой рыжего коня
Грива ветра, грива дыма,
Грива бури и огня.*

[С. 155]

Этот рыжий конь известен нам по книге Откровения святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. А вставлен этот образ в известнейшую советскую песню времен гражданской войны – "Песню о тачанке" (слова М. Рудермана, музыка К. Листова). Похожий образ мы находим у Вл. Маяковского. В его стихотворении "Я и Наполеон" (1915) есть такие слова:

*"Видите!
Флаги по небу полощет.
Вот он!
Жирен и рыж.
Красным копытом грохнув о площадь,
Въезжает по трунам крыши!"*

Для этого варианта апокалиптики страшный суд – это суд перед лицом духа разрушения или "революционный суд". "Для нас с тобой есть Высший суд – Октябрь семнадцатого года!" – поется в песне Н. Добронравова и А. Пахмутовой "Октябрь семнадцатого года".

Еще один (достаточно редкий для советской культуры) пример хилиастического понимания истории основывался на иерофании Исхода, где выход пролетариата из царства тьмы (в роли Египта выступает эксплуататорское общество) завершается обретением "земли обетованной". Однако вышедшие из "исторического Египта" люди в эту землю дойти не могут из-за привязанности к старому образу жизни (роль маловерия и греховности

здесь выполняют "пережитки прошлого", "отсталое сознание" и проч.), они погибают в "пустыне" как образе промежуточного состояния между предысторией и подлинной историей. Вот пример такого видения событий, взятый из дневника М. М. Пришвина 1918 года: "...старик-надзиратель тихонько говорит мне, что *русский народ теперь, как Израиль вышел из Египта, и в Палестину придут разве только дети наши*, нам уже не видеть Палестины" – (выделено нами – М.С.). (8, с.118)

Во второй половине XX века тема апокалипсиса в советской цивилизации постепенно освобождается от хилиастических напластований. Этому способствует в некоторой степени новое, ядерное оружие, «обещающее» конец без возможности последующего «начала». Наиболее мощно образ новой эсхатологической картины рисуют в своей песне "Бухенвальский набат" А. Соболев и В. Мурадели :

*Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон –
Это раздаётся в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон
Это возродилась и окрепла
В медном гуле праведная кровь
Это жертвы ожили из пепла
И восстали вновь, и восстали вновь!
Сотни тысяч заживо сожженных
Строятся, стоят в шеренги к ряду ряд.
Интернациональные колонны
С нами говорят, с нами говорят.
Слышите громовые раскаты?
Это не гроза, не ураган.
Это вихрем атомным объятый
Стонет океан, Тихий океан...*

Глубоко и лаконично охарактеризовал соотношение христианской и советской эсхатологии Л. В. Карасев: "Евангельский завет осуществился лишь вполовину: взрослые уменьшились, стали как дети, но при этом не обратились, не выросли духом и лишились чаемого царства. Сами того не заметив, они сделали начало света его концом, но концом без последующего воскресения" (9, с. 42).

Литература:

1. Шинкарук В.И., Яценко А.И. Гуманизм диалектико-материалистического мировоззрения. – К.: Издательство политической литературы, 1984. – 255 с.
2. Булгаков С.Н. Апокалиптика, социология, философия истории, социализм (Религиозно-философские параллели) //Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. Т.2. Статьи и работы разных лет. 1902-1942 – М.: Наука, 1999. – (Социологическое наследие) – С.97-142.
3. Столяр М.Б. Религия советской цивилизации – К.: 2010. – 177 с.
4. Флоровский Г., прот. Пути русскаго богословия. – Париж, 1983. – 599 с.
5. Макарий, еп. Винницкий. Православно-догматическое богословие. В 2тт. – Т.2 – С.-П.: Типография Григория Турусова, 1857. – 520 с.
6. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 222 с.
7. Лекторский В.А. Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм // Вопросы философии. – №4. – 2001. – С.3-9.
8. Пришвин М.М. 1918 год. Дневник // Литературная учеба, май-июнь 1991. – С. 116 – 128.
9. Карасев Л.В. Знаки покинутого детства («постоянное» у Платонова) // Вопросы философии. – 1990. – № 2. – С. 26-43.